

Первые годы службы.

Въ Богуславѣ.

Въ Аракчеевскомъ корпусѣ пробылъ я 6 лѣтъ да въ Дворянскомъ полку 2 года, въ такъ называемыхъ специальныхъ классахъ, и 1844 году произведенъ въ прапорщики полевой артиллеріи. Я былъ очень доволенъ, что попалъ въ артиллерію и на радостяхъ порядочно выпилъ со многими товарищами рому или коньяку, такъ что нѣсколько одурѣлъ и долженъ былъ лечь спать. Зачѣмъ требовалось выпить—Господь знаетъ, вѣроятно по традиціи, такъ какъ нужно же было ознаменовать приобрѣтеніе свободы послѣ 8-лѣтняго подневольнаго положенія. Положимъ, и впереди ожидало не ахти какое количество прапорщичьихъ прерогативъ, но разница въ смыслѣ прежней и новой жизни была все-таки огромная.

Пошла возня съ обмундировкою и закупками всего необходимаго. Роскошничать было не изъ чего, даже нельзя было удовлетворить самыя первыя потребности, тѣмъ не менѣе угораздило меня закупить много вздора, хотя и недорогого, а пропустить вещи, существенно необходимыя. Собрались мы ѣхать вдвоемъ, для удешевленія переѣзда, но сохранить половину прогонныхъ денегъ показалось намъ мало, и мы рѣшили ѣхать на долгихъ. Въ результатѣ получилась медленная ѣзда, значительное опазданіе, 60 р. передержки, такъ какъ вмѣсто бѣлорусскаго тракта мы избрали московскій, и извозчикъ нашъ дѣлалъ съ нами, что хотѣлъ. Ёхалъ онъ тихо, кормилъ чаще, чѣмъ было нужно и дольше, чѣмъ нужно, выпрашивалъ впередъ денегъ, канючилъ постоянно на чай. Когда выдачею лиш-

нихъ денегъ впередъ, мы попали къ нему въ лапы окончательно, онъ насъ передалъ другому, а другой—третьему. Въ одно прекрасное утро одинъ изъ нихъ объявилъ, что дальше везти не можетъ по распутицѣ, если мы не согласимся припречь третью лошадь и за нее платить. Что тутъ было дѣлать? Пришлось согласиться, и въ результатѣ вмѣсто сбереженій получилась передержка.

Въ концѣ сентября добрались мы наконецъ до мѣстечка Богуслава, Кіевской губерніи, гдѣ были расположены штабъ и одна батарея 1-й артиллерійской бригады. Бригадный командиръ, полковникъ Котовичъ, принялъ насъ нѣсколько величественно, но вѣжливо, а батарейный командиръ, полковникъ Пассекъ, даже любезно и радушно и предложилъ обращаться къ нему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы, молодые и неопытные, будемъ нуждаться въ совѣтѣ или матеріальной помощи. Это послѣднее обстоятельство нисколько насъ не удивило, но впоследствии мы имѣли случай не разъ убѣдиться, что такого рода предложенія дѣлаются далеко не каждымъ начальникомъ, а если кѣмъ и дѣлаются, то для красоты слога, а вовсе не съ цѣлью исполненія. Пассекъ былъ не изъ такихъ.

Мѣстечко Богуславъ раскинулось широко и вмѣщало въ себѣ около 5.000 жителей, изъ коихъ до $\frac{2}{3}$ насчитывалось евреевъ. Мѣстоположеніе Богуслава порядочно гористо; въ сухую погоду пыль тутъ неслосная, а въ сырую—грязь невылазная. Въ мое время существовали тамъ торговые ряды; офицеры называли ихъ гостинимъ дворомъ и говорили, что слышали легенду, будто противъ одной изъ лавокъ этого гостинаго двора утонула въ грязи карета какого-то помѣщика вмѣстѣ съ людьми и лошадьми. Хорошихъ, т. е. сносныхъ домовъ въ Богуславѣ были единицы, а простыхъ хатъ-мазанокъ—сотни, если не тысячи. Въ такихъ палаццо обиталъ и нашъ братъ-офицеръ.

А офицеровъ тутъ было не мало, такъ какъ совмѣстно квартировали бригадный штабъ и одна батарея (прочія три батареи размѣщались въ Таращѣ, Кошеватомъ и Ракитнѣ). Кромѣ начальства, двухъ полковниковъ, наше общество состояло изъ штабсъ-капитана, 11 прапорщиковъ, двухъ врачей и ветеринара. Начальство съ нами не якшалось, не изъ пренебреженія, а по своимъ личнымъ характеристамъ и вкусамъ. Пассекъ придерживался кромѣ того чарки и вѣроятно не желалъ выказывать передъ подчиненными свою слабость. Крайней молодежи между нами было немного, всего человѣка 3—4, остальные причисляли себя къ людямъ солиднымъ и дѣйствительно такими были, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Если почти всѣ они состояли въ чинѣ прапорщика, то это ничего не опровергало, такъ какъ въ армейской артиллеріи офицерскіе чины шли очень туго:

прапорщиками служили по 7 и 8 лѣтъ, и не рѣдкость было встрѣтить сѣдыхъ или лысыхъ капитановъ, находившихся на службѣ въ офицерскихъ чинахъ лѣтъ по 25. Стариковъ между нами однако же не было, даже штабсъ-капитана нельзя было назвать пожилымъ, ибо произошелъ онъ въ свой высокій чинъ по какимъ-то обстоятельствамъ необычно быстро, а потому служилъ для насъ въ этомъ отношеніи предметомъ тайной зависти.

Общество офицеровъ м. Богуслава было замѣчательно хорошее. Почти всѣ они были люди порядочные, во внутреннемъ смыслѣ, и эта порядочность сквозила такъ часто въ разныхъ житейскихъ мелочахъ, изъ которыхъ состояла наша жизнь, что давала нашему кружку характерную окраску. Можно было эту характерную окраску не сознавать, не замѣчать, но нельзя было ее не чувствовать и такъ сказать къ ней не прилаживаться. Изысканной вѣжливости не было, не было даже той наружной порядочности, которая служить принадлежностью каждаго *jeune homme bien élevé*. Въмѣсто этого была простота обращенія и ежедневныхъ, ежечасныхъ взаимныхъ отношеній, участіе другъ къ другу, внимательность, доброжелательство. Фамильярности не существовало; всѣ говорили другъ другу: „вы“. Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что два офицера, Богаевскій и Афанасьевъ, были въ особенно близкихъ, настоящихъ дружественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ говорили другъ другу „вы“. Я рѣшился спросить объ этомъ одного изъ нихъ и получилъ такой отвѣтъ:— „Потому, А. Ф., что въ дурной часъ гораздо легче съ языка сойдетъ дуракъ и свинья, при мѣстоименіи „ты“, чѣмъ при мѣстоименіи „вы“.

Когда я первый разъ появился въ этомъ офицерскомъ кружкѣ, то чувствовалъ себя неловко. Мнѣ казалось, что всѣ должны смотрѣть на меня, какъ на мальчика, относиться ко мнѣ съ покровительственной снисходительностью, съ любезностью какъ бы начальственной и проч. Я очевь ошибся, ничего подобнаго не произошло. Меня встрѣтили такъ просто и естественно-любезно, что самолюбіе мое успокоилось сразу. Предложили играть въ карты, но когда я отказался за неумѣніемъ, то не настаивали, не совѣтовали поучиться, да и впредь не надоѣдали. Ни о службѣ, ни объ образѣ жизни никакихъ разсказовъ и косвенныхъ наставленій я не слышалъ; охотно и обстоятельно отвѣчали на всѣ мои вопросы и разъясняли мои наивныя недоразумѣнія, вотъ и все. Ни въ чемъ не было навязчивости, но всегда была готовность услужить словомъ или дѣломъ. Этотъ замѣчательный тактъ въ людяхъ которые не принадлежали къ категоріи такъ называемыхъ *bien élevés*, доказывалъ, что они обладали умомъ здоровымъ. Дѣйствительно, по крайней

мѣръ половина всѣхъ членовъ нашего замкнутого общества были по своимъ умственнымъ качествамъ выше обыкновеннаго уровня офицерскаго общества тогдашней полевой артиллеріи, хотя они не обладали особеннымъ образованіемъ и не отличались отъ своей среды болѣе возвышенными взглядами или широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Наша бригада принадлежала къ такъ называемой дѣйствующей арміи, состоявшей изъ 4 пѣхотныхъ корпусовъ, которые каждые три года мѣняли свои квартиры и переходили на новыя. Такимъ образомъ удѣломъ дѣйствующей арміи было вѣчное кочеваніе; обзаводиться осѣдлостью было невозможно для простыхъ офицеровъ и исполнимо лишь для командировъ, да и то въ весьма слабой степени. Кромѣ лицъ высокостоящихъ, каковы корпусный командиръ или начальникъ дивизіи, у остальныхъ командировъ понятію объ осѣдлости соответствовало лишь небольшое количество кое-какой складной мебели, которую они и перевозили съ однѣхъ зимнихъ квартиръ на другія. Изъ субалтернъ-офицеровъ большинство ограничивало свой домашній скарбъ лишь погребцами да складными кроватями, а у многихъ, особенно молодыхъ, и этого не было, какъ напримѣръ у меня. Квартиры мы получали по отводу отъ обывателей, подлежавшихъ этой натуральной повинности; мебель набиралась отъ нихъ же. Но все это было въ такой мѣрѣ мизерно и бѣдно, въ такой степени не соответствовало громкимъ словамъ *квартира* и *мебель*, что въ людяхъ, свыкшихся съ кое-какими требованіями удобства и комфорта, возбуждало улыбку.

Такимъ условіямъ домашняго существованія отвѣчали условія и службы и общественной жизни; въ общемъ выводѣ получалось совершенное однообразіе армейскаго зауряднаго быта въ глухихъ углахъ, т. е. въ $\frac{9}{10}$ квартирныхъ стоянокъ войскъ дѣйствующей арміи. Хорошо, если въ окрестностяхъ можно было найти подходящія знакомства (преимущественно въ средѣ помѣщиковъ); тогда все почти свободное время уходило на разъѣзды по знакомымъ, но такія льготныя условія находились далеко не всюду, а безъ нихъ существованіе офицера получало окраску унылую и тоскливую до одурѣнія.

Именно въ такой ультра-захолустной обстановкѣ находились мы, временные обитатели мѣстечка Богуслава. Богуславъ былъ окруженъ обширными владѣніями Браницкаго. Браницкій, разумѣется, отсутствовалъ, а имѣніями его правили два комиссара (главные управляющіе) и подчиненные имъ нѣсколько десятковъ экономовъ, т. е. низшихъ управителей. Кромѣ владѣній Браницкаго въ недалнемъ сосѣдствѣ Богуслава находились крупныя имѣнія

3 или 4 помѣщиковъ-поляковъ, которые постоянно или временно находились на-лицо. Съ этими панами офицеры не вели знакомства потому, что богачи были имъ не подъ-стать, на равной ногѣ быть съ ними они не надѣялись, а другихъ отношеній допустить не желали. Съ комиссарами, а тѣмъ паче съ экономами не завязывалось знакомство потому, что эти господа принадлежали совсѣмъ другому міру по своему образованію и общественному положенію. Такимъ образомъ нашъ офицерскій кружокъ волей-неволей замкнулся въ самомъ себѣ, и временное разнообразіе нашей жизни заключалось развѣ только въ томъ, что къ намъ иногда навѣдывались офицеры изъ другихъ батарей и мы сами изрѣдка туда заѣзжали по двое и по трое, на день, на два.

Службой насъ не затрудняли; фронтовое ученье производилось два раза въ недѣлю, да и то первоначальное, т. е. маршировка, тесачные приемы и приемы при орудіяхъ. Артиллерійскаго ученья съ запряженными лошадьми во всю зиму не было ни разу. Не было и обученія верховой ѣздѣ, хотя одновременно со мною прибыло двое или трое молодыхъ офицеровъ, можетъ быть отъ роду не сидѣвшихъ на лошади. По этой части предоставлялось каждому заботиться о себѣ самомъ. Взглядъ на дѣло очевидно былъ фальшивый; если предоставлялось уемотрѣнію моему обучаться или нѣтъ верховой ѣздѣ, то почему же не предоставлялось моей доброй волѣ—ходить или нѣтъ на остальные служебныя занятія, напри-мѣръ, на дежурство? Въ обыкновенное время дежурство это не существовало, по неимѣнію обязанностей для дежурнаго офицера, но когда я явился на службу въ 1-ю бригаду, тогда народились обстоятельства исключительныя.

За нѣсколько недѣль до моего приѣзда, въ одно прекрасное утро казенный денежный ящикъ оказался взломаннымъ и обокраденнымъ, а часовой неизвѣстно куда исчезъ. Схватились по горячимъ слѣдамъ искать преступниковъ, но нѣсколько дней прошло безъ всякаго успѣха. Наконецъ бѣжавшій часовой былъ пойманъ, и тогда дѣло быстро двинулось впередъ. Часовой оказался лишь сообщникомъ, а настоящими преступниками-иниціаторами были три или четыре писаря бригадной канцеляріи. Всѣ конечно были арестованы, и началось слѣдствіе. Сначала писаря отнѣкивались: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, но очевидностью уликъ были приведены къ сознанию. Однако это сознание къ результату не приблизило, ибо народъ былъ все прожженный. Украдено было нѣсколько тысячъ рублей, и писаря, надѣясь убѣжать, не открывали украденнаго. Что именно они говорили и какъ отвиливали и затягивали дѣло,—теперь я уже не помню. Осталось въ памяти лишь одно обстоятель-

ство: писаря, конечно, разлученные и рассаженные по отдѣльнымъ помѣщеніямъ, вдругъ стали поддаваться на уговоры, и то одинъ, то другой изъявляли согласіе указать мѣсто, гдѣ деньги спрятаны. При этомъ каждый изъ нихъ говорилъ не о всей украденной суммѣ, а только о той ея части, которая досталась на его долю, отзываясь незнаніемъ объ остальныхъ частяхъ. Начались экспедиціи кладоискателей. По указанію Петрова отправлялись за нѣсколько верстъ, рыли землю и ничего не находили. „Запамятовалъ, ваше благородіе, сбился и не туда привелъ, дозвольте припомнить и сообразить еще“. Нѣсколько дней уходило на припоминаніе и соображеніе; указывалось другое мѣсто, совсѣмъ не тамъ, гдѣ первое; вся комиссія туда ѣхала вмѣстѣ съ Петровымъ, и съ Николаевымъ, и съ Никитинымъ. Такъ тянулось все время, пока я служилъ въ Богуславѣ, т. е. безъ малаго полгода, и когда я уѣзжалъ, дѣло находилось почти въ томъ же положеніи, какъ и вначалѣ, т. е. не открыто было ни копейки изъ украденныхъ денегъ.

Эти артисты воровского дѣла содержались отдѣльно одинъ отъ другого, въ разныхъ зданіяхъ, въ разныхъ концахъ мѣстечка и за мѣстечкомъ. Одинъ или двое сидѣли въ клѣткахъ, какъ Пугачевъ у Суворова. Почему понадобились клѣтки—ужь я призабылъ: вѣроятно, для удобства надзора. Вотъ для этого надзора и учреждено было ежедневное дежурство офицеровъ. Помню, что до одного изъ арестованныхъ было отъ моей квартиры 3 версты, до остальныхъ меньше, но все-таки общій объѣздъ простирался верстъ до 8—10. Дежурные офицеры или лѣнились, не ѣздили, а въ дневной рапортчкѣ отмѣчали, что все исправно, или же объѣзжали верхомъ. У меня верховой лошади не было и хотя нѣкоторые изъ сослуживцевъ предлагали свою, но я отказывался, потому что ѣздить не умѣлъ и могъ лошадь испортить. Я попробовалъ обойти всѣхъ арестованныхъ пѣшкомъ, но такъ озябъ, усталъ и испачкался грязью, что въ слѣдующія мои дежурства рѣшился посѣщать только одинъ постъ, поочередно, и лишь однажды объѣхалъ всѣ разомъ на лошадяхъ старшаго офицера штабсъ-капитана Викгорста. Можно было конечно и нанять, при томъ недорого, но на такую роскошь ни у кого изъ насъ денегъ не было, а у меня, новоиспеченнаго прапорщика, тѣмъ паче.

У насъ служила все голытьба абсолютная. Исключеніе составляли двое и то какое исключеніе! Викгорстъ имѣлъ года два назадъ командировку—обмундировать въ Кіевѣ 1.000—1.500 безсрочно отпускныхъ и съ этой командировки, такъ сказать, оперился, т. е. обставилъ нѣсколько свой домашній обиходъ и имѣлъ бричку съ парю лошадей (прокормить лошадей стоило дешево, сѣно обходи-

лось въ 4—5 коп. пудъ). Другой офицеръ, изъ молодыхъ, прапорщикъ Бергъ, получалъ отъ отца ежегодное пособіе, въ размѣрѣ 15 руб. серебромъ въ мѣсяцъ. При годовомъ жалованьѣ въ 225 руб., прибавка 180 руб. имѣла значеніе очень существенное, а потому всѣ смотрѣли на Берга, какъ на человѣка обеспеченнаго, слегка завидовали ему и называли его въ глаза и за глаза богачемъ. Всѣ остальные жили однимъ жалованьемъ.

А. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

